

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР В. ШАЛАМОВА И А.СОЛЖЕНИЦЫНА

В статье исследуется художественный мир писателей, чье творчество связано с «лагерной» прозой, решение вопроса о влиянии лагерного быта на человеческую личность.

Творчество Варлама Шаламова и Александра Солженицына вызывает необыкновенный интерес у литературоведов. Эти писатели создали «лагерную» прозу периода сталинских репрессий. Сам факт публикации произведений В.Шаламова, А.Солженицына вселял надежду, что появилась возможность говорить правду. Они зачинатели политически акцентированной литературы, которая пыталась ответить на вопрос: «Что с нами происходит?». А происходило нечто опасное и непостижимое. В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын создали особую прозу, значение которой определено так: «...Нужно было пройти войнам и революциям, Хиросиме и концлагерям – немецким и советским, чтобы стало ясно, что самая мысль о выдуманных людях раздражает любого читателя.... Только правда, ничего, кроме правды. Документ становится во главе угла в искусстве, без документа нет литературы.... Но дело не только в документе, должна быть создана проза в своей лаконичности, теплоте тона, отбрасывающая всё и всяческие побрякушки, есть возвращение через сто лет к пушкинскому знамени» [1].

В произведениях В.Т. Шаламова нет ни грамма выдумки, передачи с чужих слов, всё, о чём он пишет, испытано самим. Прозаик и поэт, создавший немало произведений, Варлам Шаламов остаётся в истории русской литературы, прежде всего, как автор «Колымских рассказов». Это беспощадное исследование сталинских репрессий, свидетельствующее об одной из самых трагических и горьких страниц русской истории. Над «Колымскими рассказами» В.Шаламов работал с 1954 по 1973 год. Его заветной мечтой было увидеть их опубликованными в России, ведь это, по его мнению, необходимо для нравственного очищения и покаяния великой страны перед своим народом. Но первая публикация «Колымских рассказов» появилась в Лондоне в 1978 году, и только в конце 80-х рассказы и стихи писателя смогли найти постоянных читателей.

Вслед за В.Т. Шаламовым А.И. Солженицын показывает то, что долгие годы было под запретом, вводит читателя в сталинский Архипелаг ГУЛАГ, психушки, раковые корпуса, направленные на истребление своего народа. Он стал единомышленником В.Т. Шаламова. Они верили в своё предназначение и свою правду. «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына – это произведения, в которых впервые заговорили о противоестественности системы, уничтожающей человека, лишаящей его духовного начала, что делает человека человеком.

Но только тот писатель может достоверно передать мысли свободного человека в каторжных условиях, который сам испытал на себе все ужасы лагерей, тюрем, этапов...

Шаламов начал писать свои рассказы в 1954 г., когда вернулся после 17 лет колымских лагерей в Подмосковье и жил в глухом рабочем поселке. Еще раньше, работая лагерным фельдшером в тайге, он начал писать стихи. И то, и другое не могло быть тогда напечатано и распространялось среди близких людей.

В одном из писем Шаламова Б.Пастернаку (1956 г.) есть знаменательные строки: «Вопрос «печататься – не печататься» – для меня вопрос важный, но отнюдь не первостепенный. Есть ряд моральных барьеров, которые я перешагнуть не могу» [2]. Писатель отвергает сам принцип приспособления к цензуре – он изначально

ориентируется на правду как на норму литературы и норму бытия. За этим – его огромная вера в неискоренимость абсолютных человеческих ценностей, которые, рано или поздно, вернутся в его страну. Поэтому о каком-либо «воспарении» над действительностью, о стоянии «над схваткой» по отношению к Шаламову говорить было бы нелепо. Он в схватке участвовал по высшему духовному счету, так как был верен той истине, что «искусство – бессмертие жизни».

В сущности, Варлам Шаламов, в пору работы над «Колымскими рассказами», мало соответствовал образу «писателя-подпольщика», нарисованному Солженицыным в книге «Бодался теленок с дубом» и имевшему отчетливо политизированную окраску. Шаламову ближе скорее образ пушкинского монаха Пимена, пишущего в келье «новость плачевную» в надежде, что его услышат грядущие поколения, – с той лишь разницей, что вместо пименовского «добродушия» мы видим у Шаламова святое и праведное негодование, облеченное в необычайно сжатую, аскетическую художественную форму.

Отшельничество Шаламова в своих глубинных основах идет от заветов бескорыстного, чуждого всякого тщеславия подвижничества, характерного для российской духовной традиции. Примеров такого рода не встретим в современности. Не поэтому ли писатель остался в значительной мере непознанным и недооцененным?

Драматизм писательской судьбы Шаламова особенно остро осознается в сопоставлении с судьбой Солженицына. К 1962-му году, когда была напечатана повесть «Один день Ивана Денисовича», сделавшая Солженицына знаменитым во всем мире, Шаламовым было написано около 60-и новелл и очерков колымского цикла. Все вместе это могло бы составить достаточно солидный том. Но ни одно из этих и последующих прозаических произведений писателя не было, как известно, опубликовано в СССР при его жизни. Чем же отличаются его рассказы от произведений Солженицына?

Возьмем для начала одну вещь, датированную 1959 годом, когда Солженицын, по его собственному признанию, сделал «облегченный» вариант своего рассказа «Щ-854», ставший затем повестью об Иване Денисовиче. Шаламов тогда же написал рассказ «Последний бой майора Пугачева», рассказ о побеге из лагеря, проникнутый открытым восхищением беглецами, – такое не укладывалось ни в какие каноны даже оттепельной словесности. Это было, по сути, покушение на незыблемый догмат общественной идеологии: человек, несправедливо осужденный в сталинскую эпоху, должен был верить в справедливость и, ожидая ее, строго повиноваться единому для всех порядку. Подпольная партия со штудированием Маркса – пожалуйста. Вооруженное восстание – никак нет. Такой формы «сопротивления трагическим обстоятельствам» не принял бы ни один присяжный критик. Надо ли говорить, что Иван Денисович Шухов, с его не раз заклеянным «непротивленчеством», – прямой антипод майора Пугачева и его друзей?

Для сравнения можно привести и другой рассказ Шаламова, написанный в 1959 году, – «Тифозный карантин», в котором с потрясающей силой раскрыта психология лагерного «доходяги», обреченного на смерть. Его спасает не вера, не надежда, не любовь и даже не злоба, а первобытный инстинкт самосохранения, заставляющий вовсе забыть о ближнем. Он остается жить лишь благодаря обману – вместо него, прячущегося, на прииск, на верную смерть, отправлен кто-то другой. Этот рассказ более типичен для шаламовского творчества, так как воплощает его философию человека и утверждает мысль о могущественной силе «звериных инстинктов», которые правят миром. Рассказ служит иллюстрацией универсальности положений психоанализа и экзистенциалистской философии при всем том, что Шаламов вряд ли знал о них – это его собственное художественное открытие, которое перекликается с выводами ученика З. Фрейда Б.Беттельхайма, бывшего узником Дахау и Бухенвальда. «Советский человек не может превратиться в животное, автор клеветает на советского человека!» – такими были бы, пожалуй, самые расхожие отзывы, будь этот рассказ опубликован в СССР сразу после его

написания; и в пример критики приводили бы, наверное, Ивана Денисовича, который работает в лагере и радуется малым радостям.

Наконец, любопытно сопоставить рассказ Шаламова «Берды Онже», тоже написанный в 1959 году, с рассказом Солженицына «Случай на станции Кречетовка», опубликованном в 1963 году. Сюжет двух произведений схож – это жизнь железнодорожной станции в годы войны. В том и другом случае реальную основу составляют факты мрачно-анекдотического характера. У Солженицына – как арестован старый интеллигент, по рассеянности назвавший Сталинград Царицыным. У Шаламова – как взамен потерянного заключенного конвоиры посадили в тюремный вагон первого попавшегося на базаре, не говорящего по-русски туркмена.

Что же здесь сопоставимо? Мера абсурдности? Она, пожалуй, одинакова. Очевидно, что у Солженицына акцент падает на разоблачение всеобщей «бдительности», которую олицетворяет молоденький лейтенант-дежурный. Тема важная, но всё-таки не новая для 60-х годов. И герой, забывший, что известный город уже с 1925-го года носит имя «отца народов», не очень типичен для времен войны. И только сожаление вызывает такая незадачливость.

Шаламов в своем рассказе более категоричен и правдоподобен. Впервые (и единственный раз) с такой беспощадностью он обнажил изнанку «несокрушимой дружбы народов». Произвол вершится над «нацменом» только потому, что он не говорит по-русски и поэтому незащищен.

Но самое красноречивое в этом сопоставлении: рассказ Шаламова занимает всего 4 страницы, в то время как рассказ Солженицына – целых 50. И если вспомнить, что Пушкин считал краткость и точность – высшим достижением прозы, то вывод напрашивается сам собой.

Теперь легко понять, почему Шаламов достаточно сдержанно оценил «Ивана Денисовича». Отдавая должное достоинствам повести, он высказал Солженицыну в письме резкие замечания, ставящие под сомнение правдивость сюжета: «Около санчасти ходит кот – невероятно для настоящего лагеря – кота давно бы съели... где этот чудный лагерь? Хоть бы с годок там посидеть в своё время» [3]. В большом шаламовском письме, посвященном этой теме, нет и намёка на то, что «облегченный» характер повести был связан с приспособлением к цензуре, к тому, чтобы угодить вкусам «верхнего мужика» Хрущева. Шаламов не просто указывает на существование иного, несравненно более мрачного лагерного мира, речь идет об ином уровне правды – правды без границ, без условностей – правды абсолютов. Позднее он напишет, что так называемая лагерная тема – «основной вопрос наших дней», что это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, и пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно [4].

Свою убежденность в этом он обосновывает тезисом: «Лагерь – мироподобен». Это выражение подчеркивает, что тема сопротивления бесчеловечным обстоятельствам, «зубьям государственной машины», универсальна и непреходяща. И писатель делает вывод, что его рассказы – «советы человеку, как держать себя в толпе».

Таким образом, Варлам Шаламов отказывается в своих произведениях от художественности. Документ становится во главу искусства. Им создается проза, выстраданная как документ. Строгая фактографичность прозы Шаламова с опорой на личный лагерный опыт приводит к тому, что автор отказывается что бы то ни было приукрашивать или смягчать описываемую действительность. Предельная жесткость, если не сказать жестокость, большинства сюжетов его колымских рассказов – это жестокость самой лагерной жизни.

Однако Шаламова нельзя назвать лишь бытописателем лагерной жизни. Ему важен не сам быт, а то, как этот быт влияет на душу человека. И главная линия размежевания,

которая проходит между Шаламовым и Солженицыным, – это вопрос о влиянии лагерного быта на человеческую личность. «Растлеваются в лагере те, кто до лагеря не обогащен был никакой нравственностью, никаким духовным воспитанием. Растлеваются в лагере те, кто и на воле уже растлевался или был к нему подготовлен», – писал в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицын. Позиция Шаламова более пессимистическая и более категоричная: «Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет...» [5].

И та и другая позиция не голословны: это позиция людей, прошедших через ад следственных изоляторов, пересыльных пунктов, лагерных бараков. Их разница отчасти обусловлена взглядами писателей на человека. Солженицын как человек религиозный убежден в том, что по своей природе человек изначально добр, и зло является результатом его сознательного и свободного отступничества от добра. Не так у последовательного атеиста Шаламова, который и добро, и зло считает в равной степени присущими человеку. Ужас лагеря в том и заключается, что он подавляет в личности всё то, что сделало человека человеком, убивает в нём любые духовные стремления и потребности, позволяя злу восторжествовать над человеческой душой.

Литература:

1. Лейдерман Н. Боль моя // Новый мир. 1986. № 5. – С. 39
2. Антипов А. Художественное исследование исторической реальности ГУЛАГА в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова: (На примере «интросубъективных» новелл) // Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд. – М., 2007. – С. 57.
3. Решетовская Н. А. А. Солженицын и читающая Россия. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 21.
4. Гаврилов В.А. Своеобразие творческого метода в прозе А. Солженицына и В. Шаламова // Актуальные проблемы современного литературоведения. – М., 1997. – С. 89
5. Есипов В. Работа головы или работа колен? (Варлам Шаламов и Александр Солженицын).- Вологда: Книжное наследие, 2008. – С. 123.